

Дар быть человеком

НАЧАЛО НА 3-й СТР.

Василием Шукшиным еще во время работы над фильмом «Печки-лавочки», где мастерски сыграл роль «профессора» — железнодорожного жулика. Василий Макарович очень любил артиста и не захотел расставаться с ним в своей следующей постановке. Но индивидуальность актера взяла верх, и перевоплощения не получилось...

За пятнадцать лет общения на съемочной площадке я видел Буркова сердитым, но никогда не видел злым, помню его гневным, но не помню жестоким, много раз он бывал усталым, но никогда — раздраженным.

После незадачливого прокурора в «Стариках-разбойниках», который всегда был в перевязках, пластырях или гипсе от загадочной «бандитской пули», я снова обратился к артисту с просьбой выступить в своем

старом амплуа. В «Иронии судьбы» требовался персонаж, который отправил бы Лукашина в Ленинград и которому зритель безоговорочно поверил, что он сделал это случайно. Кто же мог лучше устроить эту путаницу, чем Бурков? Он стал к тому времени крупным, популярным артистом, покончившим с пьющими персонажами. И я буквально упрямил его вернуться в свое недавнее кинематографическое прошлое и сыграть маленький, но очень важный для картины эпизод. По-моему, он сыграл восхитительно роль и весьма «логично» запихнул друга в самолет.

А потом в «Гараже» мы с Брагинским писали роль Фетисова-крестьянина, у которого золотые руки, который бросил деревню ради города, специально для Буркова. Какому еще артисту можно было доверить

такую непростую реплику, как: «Я за машину родину продал!»? Каким положительным потенциалом должен был обладать артист, произносящий эти слова, чтобы это оказалось дозволенным. Но при любых поворотах сюжета Фетисов сочувствует обиженным, встает на их защиту, ненавидит человеческую накипь и ржавчину. У него народная смекалка, достоинство, внутренняя, естественная честность. Вся эта доброкачественность существует в Буркове-человеке...

И вот еще одна наша совместная работа. В трагикомедии «О бедном гусаре замолвите слово...» Бурков сыграл роль Егорыча — крепостного камердинера графа Мерзляева. Я считаю работу Буркова одной из самых удачных в фильме. Образ, созданный артистом, получился неоднозначным. В Егоры-

че намешано многое. Он и плут, и холуй, и шельма, и хозяина своего при этом ненавидит; человек со способностями, но лишен обаяния, себе на уме, в нем есть и что-то доброе, но и взятку примет не моргнув. Персонаж, как мне кажется, получился выпуклый, живой, многогранный, в чем-то неожиданный, но цельный. И здесь в первую очередь заслуга артиста. Его дарование за эти годы выросло необычайно.

Талант Буркова всеобъемлющ... Я никогда не вижу «белых ниток», которыми он «шьет» роль. Бурков — типичный пример «самородка». На съемочной площадке вокруг него всегда была толпа из осветителей, механиков, партнеров-артистов и, чего греха таить, членов режиссерской группы. Бурков — талантливейший рассказчик. Когда он начинал свои бай-

ки, на площадке постепенно останавливалась работа. Съемочная группа окружала Георгия Ивановича. Благодарные слушатели отвечали взрывами хохота на шутки, вымыслы, проказы Буркова. А он поистине неистощим! Такой талант — редкость! И как мне бывало обидно нарушать этот изумительный театр одного актера, становиться, по сути, его душителем и кричать:

— Хватит! Хватит! Давайте работать! Начинаем репетицию!

И еще не могу не упомянуть об одном качестве Георгия Ивановича. При первом же общении с Бурковым можно было заметить его высокую культуру, образованность, тактичность, подлинную интеллигентность. И, что свойственно отнюдь не всем артистам, глубокий ум!

Материал подготовила
Е. АНАТОЛЬЕВА.